

Рука у директора школы была худая и потная.

Лукин опустился на место:

— Мы завели дело о похищении семиста рублей счетоводом школы хутора Серково Поповой.

Молодой человек почти взмолился:

— Не могла она этого сделать... Не могла... Это такая девушка...

— Товарищ Дудин, — перебил Лукин, — но ведь ее видели на вокзале незадолго до прихода московского поезда, как раз в день, когда она исчезла. Мы все тщательно расследовали.

— Это ужасно...

На его лице было столько страдания, что Кирееву стало жалко:

— Вы хорошо знали Попову?

Дудин оживился:

— Вали? Конечно. Два года, после окончания института я работаю в школе. А в деревне все на виду. У Вали было трудное детство, она сирота, выросла в детдоме... И это такой человек... Спросите у любого. Душевная, отзывчивая... О ней никто худого слова не скажет.

— А вы знаете, мы слышали о ней и другое.

— Это вранье.

— Товарищ Дудин, директор школы должен уметь себя вести.

— Простите.

Вмешался Киреев:

— Допустим, что вы правы. Тогда куда же она могла деться?

— Не знаю...

Лукин устало вздохнул, терпеливо сказал:

— Если бы с ней что-нибудь случилось, мы бы знали. Меры по ее розыску приняты... Подождем... Человек не иголка, найдется.

Дудин поднялся. Не прощаясь, пошел к двери. Упрямо бросил:

— Не брала Валентина денег. Не могла она их взять, — и вышел.

Лукин закурил.

— Конечно, тяжело, когда узнаешь, что ошибся в человеке. Особенно, если...

— Что «если»? — переспросил Киреев.

— Влюблен в человека.

— Да, мне тоже показалось, что он к ней равнодушен.

— Молоды оба... На здоровье... Но брать под защиту, когда факты налицо...

— А вы говорили — тихий район.

Лукин вытер лицо платком.

— Павел Семенович, честное слово, не по злому умыслу я не рассказал вам об этом происшествии. Дело настолько ясное, что не хотел вас утруждать... Девчонка... глупая... Польстилась на деньги... Боюсь, что не без участия Лешки Золотозуба.

— Кто такой?

— Есть тут у нас. В депо работает.

— Это фамилия «Золотозуб»?

— Нет, прозвище... А фамилия — Воротов. Год как из заключения вернулся.

— За что сидел?

— В пьяном виде пырнул дружка ножом.

— С Поповой был знаком?

— В том-то и дело, что на танцевальной площадке их не раз видели. Я при Дудине не хотел говорить. За Лешкой установили наблюдение.

— Захар Владимирович, не обессудьте, но мне хотелось бы познакомиться с делом.

— А может, сначала пообедаем?

— Рано еще... Да и жарко. Ведь окрошки у вас нет?

Лукин рассмеелся:

— Чего нет, того нет. Но свежую рыбу жинка купила!

— Вы, наверное, есть хотите?.. Прошу вас, не стесняйтесь... Идите... А я посижу.

— Да какой теперь из меня едок!

С этими словами Лукин вышел из кабинета. Киреев прошелся по комнате, встал у окна. Солнце зашло за дом, стало чуть-чуть прохладней. Деревья распустились, стояли нарядные. Изредка, сердито урча, по булыжной мостовой пробегали машины. Две девочки в коричневых платьицах чинно шли по тротуару.

Киреев достал из кармана папиросу, но не закурил. Задумчиво подошел к столу, положил коробку.

Наверное, он сам бы себе не сумел ответить, почему вдруг его заинтересовала эта история. Лукин — опыт-

ный работник и скоропалительных выводов не делает. Убежденность молодого педагога? Но не даром говорят: любовь зла, полюбишь и козла. Скорее всего, не хотелось уезжать, не проверив даже малых сомнений.

Возвратился Захар Владимирович. Молча протянул серую папку.

Облокотившись на стол, Киреев принялся ее листать. Все оказалось правильным. Материал расследования убедительно подтверждал, что в субботу, 17 марта, счетовод сельской школы, получив в банке деньги для выплаты зарплаты учителям, скрылась с ними.

В дверь постучались, и сразу же в комнату вошел рослый круглолицый сержант.

— Товарищ капитан! Явился по вашему вызову!

— Проходи... Павел Семенович, товарищ Кутьков занимался делом Поповой.

— Очень хорошо... Здравствуйте... Товарищ Кутьков, вы установили, когда Попова получила деньги в банке?

— Так точно. Перед самым закрытием, примерно около трех часов дня.

— Что она делала потом?

— Зашла на квартиру к своей школьной подруге Нине Назаровой, машинистке райисполкома. А с наступлением темноты поспешила домой.

— Пешком?

Ответил Луккин:

— Да тут недалеко, километров пять, не больше... Продолжайте.

— Гражданка Назарова показала, что она уговаривала Попову заночевать у нее, но та отказалась. Сказала, что еще сегодня раздаст учителям деньги. Но это был предлог. Она ждала поезда... Прошу обратить внимание: провожала Попову молодежь, хотели до самого хутора, но Попова не разрешила. Простилась сразу за околицей, откуда дорога ведет на вокзал.

— Кто ее провожал?

— Кроме Назаровой, еще двое парней.

— Золотозуб был среди них?

— Нет.

— Кто эти парни?

— Анатолий Блохин — работник селекционной станции и Василий Кудрявцев — инспектор собеса.

— Вы с ними беседовали?

— Так точно... Рассказывают, что дорогой шутили. Правда, Попова была задумчивой, даже грустной.

— Они это заметили? — живо спросил Киреев.

— Все трое, в один голос утверждают. Обычно веселая, а тут словно не в своей тарелке. А главное — друзья уж очень хотели ее проводить, а она — ни в какую.

Сержант докладывал спокойно, уверенно, и это понравилось Павлу Семеновичу. Он попросил его продолжать.

— Дорога за райцентром раздваивается. Одна ведет на хутор, другая на станцию. В Серково Попова, как известно, не возвратилась. Я побывал на вокзале. Дежурный, товарищ Оглодин, дал важные показания. Оказывается, он Попову хорошо знает, ее покойная мать приходилась ему двоюродной сестрой. И он решительно утверждает, что в субботу, 17 марта, как раз дежурил и видел девушку на перроне, перед самым приходом поезда.

— Он с ней разговаривал?

— Только поздоровался на ходу, спешил встретить поезд.

— Когда приходит поезд?

— В 18 часов 50 минут. Стоит десять минут... А простилась Попова с друзьями в 18 часов 12 минут.

— Откуда вы знаете?

— Из заявления Назаровой. Та запомнила время, потому что, когда стали прощаться, она взглянула на часы и даже еще сказала: «Куда ты торопишься, Валентина? Ведь время-то детское!»

— За сколько минут можно дойти до станции от развилки?

— Самое большое минут за пятнадцать.

— Значит, к поезду она успевала.

— В том-то и дело, товарищ майор.

— Скажите, товарищ Кутьков, а с кассиршей вокзала вы побеседовали? Уезжает от вас не так уж много. Возможно, она запомнила девушку, когда та брала билет?

Сержант смутился. Огорченно ответил:

— Упущение, товарищ майор... Не говорил я с кассиршей.

Молчавший до сих пор Лукин укоризненно покачал головой.

— Как же ты так, Кутьков, опростоволосился?

— Виноват! Не пришло в голову.

Киреев дружелюбно рассмеялся.

— Это бывает, товарищ Кутьков... После беседы с дежурным вы решили, что доказательств больше чем достаточно и можно объявить розыск...

Ни один мускул не дрогнул на добродушном лице Кутькова. Он стоял подтянутый, прямо глядя перед собой.

Эта выдержка прихвлялась по душе старшему следователю. Доверительно сказал:

— Так ведь, товарищ Кутьков?

— Так, — четко ответил тот.

— А жаль. Показания дежурившей в тот день касирши, ой, как бы пригодились нам сейчас.

— Разрешите съездить на станцию, разыскать касиршу и побеседовать с ней.

— Съездить-то можно, да боюсь, что поздно, — задумчиво проговорил Киреев. — Ведь почти месяц прошел. Теперь навряд ли она вспомнит.

— А все-таки поезжай, — приказал Лукин. — Если она Попову знала, — вспомнит.

Молодой сержант вышел.

— Зелен еще, — вздохнул Захар Владимирович, — прошлой осенью демобилизовался... Павел Семенович, честно, что вас смущает?

Киреев ответил не сразу. Он взял стул, подсел к столу.

— Непонятное поведение Поповой... Если она решила бежать, зачем понадобились ей эти проводы?

— По-моему, вы сами ответили. Проводы, — подчеркнул Лукин последнее слово, — хотелось проститься с друзьями.

— О, когда неискушенный человек решится на такое, он так себя вести не будет. Ему стыдно будет в глаза посмотреть товарищу, ему будет все время казаться, что окружающие догадываются о его намерениях, и постарается как можно скорее скрыться с глаз... А она заходит к подруге домой, девушки встречаются с ребятами, вместе доходят до развилки дорог... А те только и заметили, что она была смущена, чуть даже

подавлена. Согласитесь, что все это довольно странно и не совсем убедительно.

— Пожалуй, вы правы, — медленно проговорил Лукин. По всему чувствовалось, что нелегко далось ему это признание. Он поднялся на своих коротышках, широкими морщинистыми ладонями оперся о стол. — Что вы предлагаете?

— Раз у нас возникло сомнение, надо допроверить.

На лице Лукина появилась гримаса. Но он сдержался:

— Раз надо, так надо.

— Думаю, что это займет совсем немного времени, — делая вид, что ничего не заметил, сказал Киреев. — Вы не возражаете, если я приму участие?

— Что вы, Павел Семенович, будем очень рады... А теперь все, пошли. А то будет мне дома на орехи.

II

Беседа с кассиршей вокзала ничего не дала. Кутьков с опорочением доложил об этом.

— Не знает она Попову, — повторил он несколько раз. — И кто брал 17 марта билеты — не помнит.

— А как по-вашему, товарищ Кутьков, могла Попова похитить деньги и скрыться с ними?

— Кто его знает, — уклончиво ответил сержант. — Всякое бывает.

— В принципе это, конечно, верно. Но нам нужно решить в данном конкретном случае. Вот что, давайте-ка с вами съездим на хутор. А там видно будет.

Серково оказалось живописной деревушкой с добротными домами и двухэтажным зданием школы.

Весь день они провели здесь, встретились с преподавателями школы, знакомыми и друзьями Поповой, и никто из них не хотел усомниться в честности молодого счетовода.

Биография Вали была простой. Выйдя из детдома, она по путевке райкома комсомола поехала на годичные курсы счетоводов, а после окончания их вот уже три года, до самого дня загадочного исчезновения, аккуратно вела несложные счетные дела школы.

Жила она у одинокой пожилой колхозницы, Анны Степановны, которая искренне привязалась к девушке.

— Да вы что! — возмущалась женщина. — Чтобы Валентина позарилась на чужое? Такое в жисть не может быть!

Анне Степановне было за пятьдесят. Лицо сухое, обветренное, глаза колючие, неприветливые. Говорила она быстро, энергично, поддерживая свои слова жестами. О таких обычно говорят, что они кроют правду-матку в глаза.

Предложив гостям стулья, сама хозяйка осталась на ногах. В небольшой горнице с низким потолком пахло сушеными травами. Две тщательно убранные кровати с ворохом подушек возвышались по обе стороны комнаты. Чисто побеленные стены над кроватями увешаны плохонькими семейными фотографиями в стеклянных рамках, портретами известных киноартистов.

Непрудно было догадаться, на какой кровати спала квартирантка.

— Скажите, Анна Степановна, Валя вам ничего не говорила о намерении уехать? — спросил Киреев.

— Да чего она поедет?.. Куда? — зло ответила женщина.

— И никаких вещей с собой не взяла?

— Ничего. Даже лишнего носового платка... Меня уж этот допытывал, — кивнула она на Кутькова.

С Игорем Платоновичем Дудиным они встретились в учительской, где на длинном столе со следами неотмытых чернильных пятен стояли глобусы различной величины.

Уроки кончились, и в здании царил непривычная тишина. Дудин нервничал, то и дело тянулся к пачке «Беломора».

— Я скажу только то, что говорил раньше: не могла Валентина похитить деньги.

— Вы хорошо знали девушку?

— Полагаю, что да, — он сощурил близорукие глаза. — Она была очень искренней и очень душевной.

— Была?

— У меня такое предчувствие, что с ней случилось страшное...

— Предчувствие или вы что-то конкретное имеете в виду?

Он появился, потом сказал:

— За Вале́й ухаживали... многие... Нет, нет, не думайте, это не по ее легкомыслию... Просто она была красивой, очень красивой. Ну и, понятно, на нее обращали внимание.

Чувствовалось, что ему было трудно об этом говорить. Рука его машинально потянулась за папиросой. Киреев подвинул ему свою пачку.

Спасибо... «Казбек» не могу. Привык к «Беломору»... Как-то на танцах в райцентре, а у Вали была к ним слабость, она познакомилась с парнем. Его Лешкой зовут. И он буквально стал преследовать девушку.

— Она вам сама говорила об этом?

— Да. Мы с ней... как бы вам сказать... Ну, дружили, что ли... Несколько раз он приходил на хутор. Ужасно неприятный тип, наглый, самоуверенный. Валя даже стала прятаться от него. Говорит, он уже однажды сидел. Вероятно, мне следовало вмешаться. Но я... я... посчитал неудобным.

— Почему?

— Потому что... я ее сам любил.

Воцарилась пауза. Ее нарушил Киреев:

— Простите за нескромность, но можно узнать, как Попова относилась к вам?

Дудин оживился:

— Хорошо. Она мне доверяла. В школе считали, что мы поженимся. Но до этого было далеко.

— Почему?

— Валентина говорила, что она мне не пара. Понимаете, разница в образовании, положении... Но дело не в этом.

— А в чем?

— Мне кажется, что ей нравился другой. Она никогда мне об этом не говорила, но я догадывался.

— Вы знаете его?

— Видел раза два. Он работает на селекционной станции.

— Вы говорите о Блохине?

— Да.

Чувствуя, что молодому человеку неприятен этот разговор, Киреев спросил о другом:

— Ну, а вы не вспомните, что делали в тот вечер, когда Попова исчезла?

— Хорошо помню. Это была суббота... Неделя выдалась тяжелой, заболела учительница математики, и я ее заменял. Захотелось отдохнуть, после уроков я отправился на охоту.

— Когда вы возвратились домой?

— На следующее утро.

— Неужели ночевали в лесу? Ведь холодно было, март.

— Когда стало совсем темно, я направился в райцентр. Там у меня товарищ, вместе институт кончили. У него и заночевал... По дороге я услышал крик... жуткий... Я замер, прислушался, но он больше не повторился.

— Вот как! Кто кричал? Мужчина или женщина?

— Не знаю, какой-то истошный вопль. Вы слышали, как кричат сычи?

— Да...

— Не скажу, что я из трусливых, но меня обуял страх.

— Может быть, действительно кричала птица?

— Я тоже тогда так подумал. Но сейчас мне кажется, что нет. Возможно, в темноте я не увидел бы ее. Но шум крыльев услышал бы...

— Место, где это произошло, вы запомнили?

— Отлично. Если идти от нас, недалеко от развилки дорог, одна из которых ведет на вокзал, есть молодой лесок... Вы, когда ехали сюда, наверное, обратили внимание?

— Да, — подтвердил Киреев.

— Оттуда донесся крик...

Поздно вечером возвратились в райцентр. А на следующий день встречи продолжались. Киреев беседовал с молодыми людьми, провожавшими Попову, с дежурным по станции, видевшим девушку в тот злополучный вечер на вокзале.

Их твердая убежденность в честности школьного счетовода невольно передалась и ему.

Но если Попова не удрала с деньгами, куда же она девалась? А главное — зачем она приходила на вокзал?

На этот вопрос он не мог ответить. Но если до-

пустить, что Валентина не уехала, естественно, она должна была возвратиться в Серково. Этого, однако, тоже не произошло. Значит, с ней что-то приключилось по дороге между райцентром и деревней. Крик, если верить Дудину, донесся из леса... Вот туда Киреев с Кутыковым и решили отправиться.

Парень ему определенно нравился. Он был немногословен — отличное качество для оперативного работника, — держался скромно и производил впечатление серьезного человека.

Ранним солнечным утром они не торопясь шли по хорошо накатанной дороге. Дома поселка остались позади. Вот и развилка. Слева вдали виднелись пристанционные здания, водонапорная башня, справа, за вспаханной степью, молодо зеленел лесок. Направились туда.

Жара еще не наступила, и дышалось всей грудью. Откуда-то из-за леса доносился веселый рокот моторов.

Киреев шагал легко. Он был в штатском, в рубашке без галстука. Светлые волнистые волосы надежно скрывали первые седые пряди. Лицо поджарое, с глубоко сидящими карими глазами и небольшим, чуть курносым носом выглядело на редкость симпатичным. Что-то задорное, мальчишеское было в нем. А спокойные, неторопливые движения, умение внимательно посмотреть и слушать делали Киреева похожим скорее на солидного научного работника, просидевшего всю жизнь за книгами, чем на человека, избравшего беспокойную и опасную профессию.

Судьба не баловала Киреева. Лишившись отца (он погиб на фронте), Киреев ушел из школы в ремесленное училище, а в шестнадцать лет уже работал на заводе, помогая матери содержать семью. Когда подросли младшие сестренки, Павел Семенович снова взялся за учебу, успешно окончил юридический институт. И тогда его направили в Сталинград на работу в органы милиции.

Было это в 1952 году. С тех пор Киреев искренне полюбил свою неугомонную специальность, сколько раз она приносила ему настоящее удовлетворение, когда удавалось раскрыть сложное и запутанное дело.

Как-то само собой случилось, что они разговорились с Кутыковым именно на эту тему. Молодой сержант